

Наталия Мартэн-Соловьёва

18+ АНИМАТОР

Рассказы

Наталия Мартэн-Соловьёва

Аниматор. Рассказы

«Издательские решения»

Мартэн-Соловьёва Н. К.

Аниматор. Рассказы / Н. К. Мартэн-Соловьёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513670-1

Сборник рассказов «АНИМАТОР» — это чудесная возможность узнать о жизни современной женщины, о научных открытиях, достижениях, исследованиях, о путешествиях в дальние страны, и, конечно, о любви...

ISBN 978-5-00-513670-1

© Мартэн-Соловьёва Н. К.
© Издательские решения

Содержание

Халат с чужого плеча	6
Филя	10
Тайны солнечной птицы	13
Жених из Франции	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Аниматор
Рассказы
Наталья Константиновна
Мартэн-Соловьёва**

© Наталья Константиновна Мартэн-Соловьёва, 2021

ISBN 978-5-0051-3670-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Халат с чужого плеча

Мои родители переехали из Алма-Аты в Калугу на постоянное место жительства, а меня, студентку четвёртого курса медицинского института они не спрашивали, хочу я туда ехать или нет, просто поставили перед фактом и перевезли как мягкую игрушку. Инициатором переезда была, конечно, моя мама. Она думала, что я не знаю настоящую причину переезда! А настоящей причиной была женщина, которую мама в яростном приступе ревности называла «пухлоглазая с грёса». Мама устраивала папе «разбор полётов», потом много дней наш дом, заливала, словно чернильная клякса, тягостная атмосфера: родители не разговаривали друг с другом, папа приходил с работы очень поздно... Мне было невыносимо тяжело всё это видеть и слышать!

Итак, меня усадили в самолёт, и мы полетели в Москву.

Время в полёте от Алма-Аты до Москвы тогда составляло четыре часа пять минут. Все эти четыре часа я так горько плакала, что стюардессы уже и не знали что делать! Тогда моя мама, сделав губы трубочкой, подняла вверх указательный палец и торжественно произнесла:

– Наташа! Мы же на Красную Площадь ходим!

Я ещё сильнее расплакалась: она отняла у меня мой добрый и понятный мир, мой дом, мою любимую комнату, мой двор, моих друзей!

А на другую чашу весов она положила разовый визит на Красную Площадь????!

Столько лет прошло, а я до сих пор скитаюсь по жизни без дома и друзей...

Я безгранично намучилась и настрадалась за эти годы скитаний в чужих краях и, в конце концов, поняла, что для того, чтобы остановить этот беспредел, мне нужен мощный противовес! Им могли бы быть дети, внуки или верный и любящий муж, ну-у... или... лучше всего какое-нибудь, только моё собственное достижение в жизни: например, получение мною международного диплома в Королевском Институте испанского языка имени Сервантеса в Москве, или публикация моего сборника рассказов известным издательством, или и то и другое! Тогда все мои страдания и скитания уравнились бы и, наконец-то, ко мне возвратилась радость жизни...

Вернусь в то непростое, трагическое для меня время: к несчастью, в Калуге не было медицинского института, поэтому меня определили в Калинин (Тверь). Он производил впечатление холодного каменного мешка, где с неба вечно сыпалась какая-то крупа, дома угрюмо теснились вдоль узких тротуаров, деревьев, практически, не было, по улицам носился свирепый ветер, прохожие бежали с вздыбленными волосами и на робкие вопросы приезжих остервенело что-то рывкали в ответ. Кроме Волги в Калининке была ещё река Тьмака и речка Вонючка – по меткому определению местных жителей. Питьевая вода в Калининке оказалась вонючая-привонючая!!! По-другому сказать невозможно, именно вонючая, потому что воняла (не пахла, а воняла!) тухлыми яйцами! В Калининке во всех квартирах на краях были установлены так называемые «роднички», а в них – активированный уголь. Сначала вода пропусклась через эти «роднички» с углём, и только после этого люди могли её пить, но всё-равно, даже после «родничков» она невыносимо противно приванивала сероводородом! В Алма-Ате никогда не существовало никаких родничков! Вода в Алма-Ате всегда была очень вкусной, как и многое другое: мороженое, шашлыки, яблоки («золотое превосходное», «апорт»), манты! В Калининке всего этого не было. По выходным дням жители Калининки ездили на электричках (если не было собственной машины) в Москву за продуктами, в основном за колбасой, и не только калининцы, а и все остальные граждане из подмосковных городов, в том числе и калужане.

Возвращались в Калугу тоже на электричках, народу было тьма – тьмущая!

Электричка тихо подъезжала к перрону, двери раскрывались и толпа с сумками, сетками и рюкзаками устремлялась внутрь. Кто не успел ворваться в двери, просачивался сквозь

узкие щели в окнах, падал лицом вниз сразу на два сиденья, словно распятый великомученник, и вопил дурным голосом на весь вагон:

– За-анято!!!

Через какое-то время двери закрывались, электричка, тихо завывая, плавно «набирала» ход. Все места были заняты, народ сидел и стоял плотной стеной, некоторые даже только на одной ноге, потому что вторую некуда было поставить. Позже все успокаивались, раскрывали сумки, доставали еду и электричка пропитывалась колбасно-огуречным духом, а у меня, как у Павловской собаки, срабатывал рефлекс и выделялась предательская слюна голодной студентки...

Место никогда не уступали, даже если их «мускулюс глютеус максимус» онемели и потеряли всякую чувствительность...

Итак, родители привезли меня в Калинин и определили в медицинский институт, на четвёртый курс лечебного факультета. У нас было много разных предметов, в том числе кибернетика и высшая математика. На ней мы извлекали разные квадратные корни. Может быть, это слишком высоко для моего воображения, но я до сих пор не понимаю, зачем врачу квадратные корни? Лучше было бы для всех (студентов, пациентов), если в программу обучения включили бы больше медицинских предметов: анатомию, физиологию, а также медсестринскую практику (много-много часов или даже месяцев!), то есть элементарно научили бы студентов делать уколы!!!

А то корни!!! Квадратные!!!

Была у нас и судебная медицина. Занятия проходили в прозекторской одной из калининских больниц, которая находилась на краю города. Жила я на квартире у медсестры Елизаветы Павловны, к которой меня определила (опять и снова!!!) моя мама! Надо сказать, что Елизавета Павловна свои медсестринские обязанности выполняла очень даже неплохо, но, вероятно, моя мама не знала, что она много курила, любила выпить, и это ещё мягко сказано! Она была пьяницей, но на работе не пила, у неё хватало разума и силы воли не пить спиртное на работе, но зато дома она «отрывалась» по полной программе! Да ещё приглашала своего племянника, такого же пьяницу, как и она сама! Они усаживались на кухне, и начинался «концерт»: они орали разные песни, безбожно фальшивя, (для меня этот ор был, как в песне Высоцкого, словно «иглой по стеклу», ведь я в детстве окончила музыкальную школу по классу фортепиано, и, по словам моей учительницы по специальности и аккомпанементу Аллы Николаевны Кудайбергеновой, у меня был отличный музыкальный слух), а эти вопли (будто «певцов» ущемили дверь!), вызывали у меня одновременно бесконечную жалость, отвращение и страх. Я вынуждена была закрываться в ванной и там учить свои медицинские науки...

Потом мне становилось душно, так как вентиляция не работала, но я боялась выходить, так как там, за дверью ванной комнаты находились два безобразно пьяных человека! Они в таком жутком состоянии опьянения могли сделать со мной всё что угодно, я их боялась до судорог душевных!

Кроме пьянства была ещё у Елизаветы Павловны привычка включать на ночь радио. Для меня это был кошмар, потому что я не могла заснуть и мучилась до тех пор, пока Елизавета Павловна не засыпала. Потом я прокрадывалась к радио и выключала его! Какое это было блаженство, я мгновенно засыпала! И даже не слышала её раскатистого храпа! Но в пять утра трамваи начинали гроыхать всеми своими составными частями, потому что под окном, возле которого я спала в комнате, находилось трамвайное кольцо, где трамваи разворачивались, а в шесть часов на меня обрушивался многоголосый гимн Советского Союза! Видимо, Елизавета Павловна просыпалась ночью и снова включала радио...

Ну, а мама моя жила с папой в Калуге, в своей собственной, благоустроенной, уютной трёхкомнатной квартире! Никто там не храпел, не пьянствовал, не вопил дурным голосом!

Что касается Елизаветы Павловны, несмотря на её пьянки-гулянки с племянником по вечерам в рабочие дни и в выходные, она была одинока как Петух на картине Карлсона «Очень одинокий Петух»...

В один хмурый осенний день я, как обычно, села в трамвай, и он повез меня на занятие по «судебке», в прозекторскую на край города. В основном, приходилось ездить на трамваях. Калининские трамваи выкрашены в холодные серо-голубые цвета. Тусклые старые дома, свинцовое небо, неукротимый ветер и трамваи в ледяных тонах – всё это замораживало мою и без того судорожно сжатую душу, сердце тревожно замирало и возникало чувство, что-то должно произойти. И произошло. Я вышла замуж. По профессии и сути муж мой был пилотом. Вторым. Он мыслил заоблачными категориями, земные проблемы с трудом «пристёгивались» к его высокому воображению. Он хотел всю жизнь прожить на автопилоте, потягивая кофеёк. Когда я была беременна, муж называл меня «Кругляшок», так как всё у меня стало круглым: щёки, глаза, живот. Величина живота не соответствовала сроку. Позже выяснилось, что во мне жили два маленьких человека вместо одного! На седьмом месяце в калужском родильном доме я произвела на свет двух крошечных девочек. Они издавали слабые звуки, напоминающие мяуканье. Руки у них были нежные, брови тонкие, вместо носа по две дырочки, а два рта, словно две алые розы. Их положили на поднос как восточные сладости и унесли от меня по длинному, тёмному коридору. Больше я их никогда не видела. Потом мне объясняли, что малышки были нежизнеспособными, я снова переспрашивала:

– Как это?

И врач устало и обречённо повторяла всё сначала.

Последующие дни я помнила плохо. Я жила как ёжик в тумане из одноименного мультфильма. Меня привезли домой. Вокруг был всё тот же мир, и надо было как-то жить в нём. Июль выплеснулся на землю холодными дождями. К началу сессии я вернулась в Калинин. Мы сдавали гигиену, атеизм и терапию. Я не могла учить, разговаривать, есть, спать. Я видела моих девочек, их нежные руки, слышала их слабый плач, смотрела вслед подносу, уносившему по тёмному коридору два крошечных тельца, два моих родных существа. Как я могла жить дальше?! Ведь я их не похоронила по-человечески! Я не знала, что с ними произошло на самом деле! Я убеждала и уговаривала себя переключиться на учёбу, надо было сдать экзамены, ведь я училась в медицинском институте! Я была очень ответственной и не могла подвести своего папу, который боготворил медицину и мечтал сотворить из меня врача. Я вернулась из своих воспоминаний в неумолимую окружающую действительность: в прозекторской вещи моих однокурсников висели на своих местах, значит, группа была уже на занятии в полном составе. Артур как всегда приставал к Маринке:

– Марыночка, отдайся!

– Отвали Аракинян, сессию сдам и отдамся!

Интересно, что в прозекторской работали, в основном, женщины. Они беспрерывно курили, чтобы подавить трупную вонь, бойко обсуждали новости, задавали друг другу вопросы:

– Ира, ты положила что-нибудь в череп?

В прозекторской невозможно было появиться с накрашенными глазами, так как вонь разъедала глаза и тушь стекала по щекам траурными потоками, но зато можно было вылечить насморк, потому что вонь «продирала» нос насквозь. На занятии вскрывали труп «зэка». Он выпил слишком много «чефира» и отравился. Процесс вскрытия трупа – мерзопакостная процедура. Вскрывать труп начинали по белой линии живота от лобка до подбородка. Добравшись до лица, откидывали его как ненужную тряпочку, и невольно тянуло на философские размышления о человеке в общем и в целом, и о его лице в частности... Каждый студент нашей группы получил индивидуальное задание, надо было составить акт и отдать его на проверку преподавателю. Мне досталось сердце. Я держала его в руках. Когда-то оно билось в челове-

ческой груди, а я должна была посмотреть, накопились ли в нём холестериновые отложения, составить акт и получить оценку.

Мне было двадцать лет!!! В тот момент я плохо понимала, что происходит????!! Что я делаю????!!!!

Зачем я здесь????!!!!

Я стояла с сердцем в руках, меня сотрясал неукротимый озноб...

Профессор смотрел на меня и был похож на гремучую змею в момент встречи с колокольчиком:

– Деушка, перестаньте трястись!

Я закрыла глаза и с горячей благодарностью вспомнила, что есть на свете такой город Алма-Ата, весь залитый солнечным светом, с арыками, фонтанами и розами, которые ещё цвели в октябре...

Филя

Моей дочери ПОСВЯЩАЕТСЯ

Татка обожала утят, цыплят, кошек, собак и прочий четвероногий народ. На даче у дедушки и бабушки у неё была своя небольшая птицеферма. Татка давала птенцам имена из мексиканских телесериалов. Одну курицу с вредным характером она назвала Лорэной, когда посмотрела «Богатые тоже плачут». Но больше всего на свете Татка хотела иметь собаку. Английские кокеры-спаниели были ее бесконечной, немеркнувшей любовью.

Татка рассказывала мне душевыворачивающие истории о собаках, об их фантастической верности и любви к хозяину, проникновенным голосом давила на психику и пускала слезу:

– Неужели у меня никогда не будет собаки? Так и проживу всю жизнь без собаки!

Татка успешно вживалась в роль Малыша из «Карлсона», но Малышу было семь лет, а Татке двенадцать. Мы жили с ней вдвоем. Я развелась с мужем после тринадцатилетнего сосуществования. Моя жизнь стала напоминать старый заболоченный пруд, а я сама – Черепаху Тартиллиу в чепчике. Нам просто необходима была собака. Вернее, собак. Английский кокер-спаниель с золотисто-терракотовой шерстью, кожаным носом и преданным взглядом. Но английские кокеры такая редкость! Мы с Таткой разыскали координаты клуба кинологов, там нам сообщили номер телефона.

Фамилия хозяина нашего Собака запоминалась сразу: Князёк Василий Леопольдович. Жена его тоже была Князёк, но только Стэлла Ивановна, и дочка – Князёк, и все они были Князьки... У них было семь щенков-кокеров, причем шесть девочек и один мальчишка. Мы договорились о встрече. Наша жизнь стремительно менялась. В воздухе уже ощущалось это тревожно-радостное ожидание Рыжего Чуда. Князьки жили далеко, в микрорайоне, и мы добирались к ним почти час и ещё минут тридцать искали среди безликих серых коробок. Прихожая Князьков напоминала ухоженную могилку: вся в нестерпимо-ярких гирляндах искусственных цветов. Хотелось заплакать и заговорить приглушённым голосом. Казалось, что радость безвозвратно покинула этот дом. Князёк Стэлла Ивановна была не старая ещё женщина, с массивной нижней челюстью и взбитой причёской, напоминающей гнездо какой-то древней птицы. Она взмахивала на нас покрашенными ресницами как руками, и возникало ощущение, что её ресницы отстегнутся после очередного взмаха и со стуком упадут на пол. Сам Князёк вышел на «могилку» в майке и в «брюках в рубчик», а на волосатом безымянном пальце его правой руки поблескивал внушительный золотой перстень. Нас пригласили пройти в комнату.

Под ноги нам выкатился пушистый рыжий комочек. Он так энергично крутил хвостом, что попа его могла запросто отвалиться. Татка застыла в немом восторге. Это было то, что надо. Этот Рыжий Вертопоп был нашим и только нашим. А к Князькам он попал по причине «неисповедимых путей Господних».

– Странно, что он не лает на Вас – задумчиво изрёк Князёк.

– Вообще-то он злой и может укусить.

Рыжее Чудо ткнулось мокрым носом в Таткину ногу и увалилось на пол, задрал все четыре конечности. Этим Оно давало понять:

– Я весь у Ваших ног! Я Ваш отныне и навсегда!

Все это напоминало сценку из «Старика Хоттабыча»:

– О! Волька!

Рыжий был роскошно красив. Возможно, в прошлой жизни он был прекрасным рыцарем или королем. По старой легенде в собак превращали людей, которые тяжело нагрешили в своей человеческой жизни. Я смотрела на нашего Красавчика:

– Что же Вы, Ваше Величество, натворили в прошлой жизни?

Но красоту ему сохранили. Красота у него была поистине королевская.

– Может быть Филипп? Филипп Красивый, Филя – мучалась я, подбирая ему имя.

Князьки показали родословную Собачонка. Там все его предки были чемпионами или кандидатами в них. Князьки заверили нас, что сделали Рыжему прививку вовремя и ему не грозит никакая собачья чума. Мы завернули «героя» в махровое полотенце и вернулись в свой привычный мир. Дни покатались как разноцветные шарики. Филя напоминал маленький комочек энергии. Как-то мне попала на глаза открытка с изображением кокера. Там было написано:

– Английский кокер-спаниель – отличный друг для одинокого пожилого человека. Я посмотрела на себя в зеркало:

– Конечно, не юная леди, но и участницей кутузовского сражения я себя тоже не чувствую! А одиночество... Если его сейчас нет, то потом всё равно «вылезет», так как человек изначально бесконечно одинок.

А как современной молодой женщине бороться с одиночеством? Завести собаку или найти мужа, или и то и другое. Но приличные мужья на дороге не валяются. Конечно, можно найти милого по брачному объявлению в газете. Один одинокий из Германии написал (по-английски, разумеется):

– Хочу, чтобы у неё (у милой, в смысле) было большое белое тело...

После развода я жила в неимоверном душевном напряжении и тревоге. Я старалась не думать о прошлом, но всё-таки думала. Я закрывала глаза, и недавние события увлекали меня в свой стремительный «водоворот». Я вспоминала Стиву. Мы познакомились на курсах компьютерной грамотности. Он был до одури обаятелен и потому опасен. Он смотрел на меня и стекла его очков «отдавали» перламутром. Он был опасен ещё и тем, что был женат, но тогда я этого не знала. Потом я узнала, но было поздно. Летом он «залетал» в нашу маленькую квартиру как вольный ветер. Он садился в кресло и бархатным голосом вещал:

– Нормальные люди второй раз не женятся. А вдруг я начну скучать по своей прошлой жизни, старым тапочкам и бывшей жене?! И вообще, я должен не о молодой жене думать, а о внуках! Ты согласна любить дедушку?

Однажды Стива, потеряв всякую бдительность, позвонил на квартиру моих родителей, потому что в тот день я была у них. Моя мама взяла трубку, я спросила кто это, она отчеканила:

– Шприц одноразовый!

Стива услышал сие определение, оно вдохновило его, и он продержался со мной один год, хотя его обычный максимальный срок – две недели.

Когда он уезжал домой, я чувствовала, что моя душа устремлялась за ним. Я хотела полететь за двумя красными огоньками его автомобиля, но они исчезали среди деревьев, легко мигнув мне на прощание. Я оставалась одна во внезапной пустоте, садилась в кресло, и, закрыв глаза, вспоминала то, что он говорил мне:

– Однажды в жизни человека наступает такой момент, когда он уже не может делать то, что хочет. Выбор сделан и судьба определена.

Иногда перед отъездом Стива звонил какой-то даме и снисходительно интересовался:

– Ну что,дохнешь?

А я стояла рядом.

Та, которая дохла, молила Стиву приехать, и он спешил к остронождающейся. У него это называлось «установить компьютер и заполнить дырочки». Стива был похож на Танцующую Корову из «Мэри Поппинс», которая подхватила на рог Падучую Звезду и начала танцевать, причем она не могла остановиться. Корова пожаловалась королю, а он посоветовал ей подпрыгнуть выше Луны.

Рыжая Корова подумала, что она приличная, воспитанная скотина и прыжки – неподходящее занятие для неё.

Когда я рассказала Стиве эту историю, он сразу запросился на травку. Он сказал, что эти пляски не для него, и он хочет на травку. Стива предложил мне на выбор два варианта расставания:

– Одним ударом, раз и всё!

– «Рубить» постепенно: сначала немного, потом ещё чуть-чуть, ещё капельку...

Мы регулярно расставались и снова притягивались друг к другу какой-то неведомой ураганной силой. Мы очень старались, но не могли продержаться в разлуке больше одной недели. Измученный неудачами, Стива предложил третий вариант:

– Мне надо сделать тебе какую-нибудь гадость...

Как-то раз, совершенно неожиданно для меня, в прекрасный солнечный день на тихом перекрёстке в Стивиной машине я увидела обещанную гадость – Светку с красными губами. Она подчеркнуто безучастно сидела рядом со Стивой, глядя в сторону. Светка работала в той же фирме, что и Стива. У нас было «шапочное» знакомство. Стива посмотрел на меня и виновато развел руки:

– Живи, мол, теперь, если сможешь!

И потянулись бесконечные дни...

У той истории с Танцующей Королевой было продолжение: Рыжая Корова подпрыгнула выше Луны, сбросила Падучую Звезду и вернулась на свой зелёный луг. Стива тоже ушёл на травку. Я должна была ненавидеть его и хотеть отомстить как Марфуша из сказки:

– Я вам отомстю и моя мстя будет злодя!

Но я не хотела. Я понимала, что Стива для меня – Стена Плача. С ней можно разговаривать, верить ей сокровенные желания, можно даже жить возле неё, но это – Стена! И все-таки в моей душе мерцала хрупкая надежда. Она была соткана из солнечных зайчиков и летних ясных дней. Окружающая действительность вламывалась в нее как отбойный молоток, которым периодически пробуравливали стены нашего дома. В один такой «отбойный» день, реальный до безобразия, я очнулась и поняла, что не хочу попасть в психушку, они и так переполнены такими дурами как я, поэтому сгруппировалась и разработала мини-пособие по выживанию:

– В кратчайшие сроки изменить образ мыслей, стиль жизни, одежду, цвет волос.

– Переключить извилины на творчество.

– Поменять квартиру или сделать ремонт до неузнаваемости.

– Не жалеть о прошлом и не плакать, а поднять бокал прекрасного вина за женщин, потому что женщины – это соль Земли, хотя я догадывалась, что среди мужчин тоже есть люди-человеки...

Я открывала глаза и возвращалась в окружающую действительность. Вокруг фонтанировала жизнь: Филя энергично вертел хвостом и радостно взвизгивал от избытка оптимизма и жизненной силы. Татка, глядя на него, весело смеялась, её огромные карие глаза искрились, а в уголках рта появлялись крошечные ямочки. Жизнь продолжалась. Наваливалась работа и повседневность.

Тайны солнечной птицы

Наступил 2012 год и человечество подошло к той критической точке, когда за один день может решиться вся его судьба. Когда-нибудь наш мир должен сгореть, замерзнуть, утонуть, взорваться, но где-то в глубине души жила надежда, что это будет не с нами, у нас всё останется по-прежнему! Каждый день, напряжённо вглядываясь в бесконечные небесные просторы, я отсылала Высшим Силам свои многочисленные вопросы. Я жила в неимоверном душевном напряжении, мучаясь пронзительно-острым ощущением черты, за которой – бездна, стоит только сделать один неверный шаг. Каждой своей клеткой я ощущала этот непрерывный, яростный Армагеддон за человеческие души. Я жила очень осторожно, словно «на цыпочках». Душа моя была раздроблена на мириады крошечных кусочков, каждый из которых горел и болел... А вокруг бурлили страсти: ожидали очередного конца света, гибели всего человечества... Дни стремительно улетали, «конец» неотвратимо приближался, и я изо всех сил сопротивлялась охватившему меня страху и отчаянию, пытаюсь сделать свою жизнь интереснее: много читала, ходила в церковь, в кино, театры (оперный и драматический), в фитнес-центр на танцы и плавание, в кафе с друзьями и в гости друг к другу... Кстати, о друзьях: они все замечательные, талантливые, яркие! Я их мысленно называю: «мой бесценный алмазный фонд»! Возрастной диапазон моих друзей очень широкий. Среди них много москвичей и алматинцев: Валентина Даниловна, Алексей Михайлович, Катя, Алексей Константинович, Марина, Татьяна Николаевна, Валерий Васильевич. Марина, жена Алексея Михайловича – эндокринолог, у неё кроме медицинского есть музыкальное образование, она чудесно рисует, кроме того, Марина —талантливый фотограф и стилист! Внешне и по характеру Марина очень похожа на герцогиню Кембриджскую Кейт Миддлтон, только Марина моложе Кейт, но у неё уже тоже трое детей: две девочки и мальчик. Дети все очень красивые, просто прелесть! На День Победы Марина сшила им костюмы военного времени. Всё получилось великолепно! Если Бог дарует таланты, то очень щедро! Татьяна Николаевна – физик. У неё острый ум и отличное чувство юмора. Валерий Васильевич – известный архитектор. Он из категории тех людей, о которых говорят: «С царём в голове и руки золотые!» У Валерия Васильевича редкий по красоте голос: бархатный баритон с басовыми «нотками» и пленительной хрипотцой. Валерий Васильевич мог бы работать диктором центрального телевидения, так как внешность у него (как и голос!) очень приятная!

Алексей Константинович поцелован Богом! Он хорош собой, добрый, весёлый, талантливый: Алексей прекрасно танцует, а у Кати, его мамы, дивный голос, она чудесно поёт и играет на гитаре. Катя побывала на ММКЯ 2020 -московской международной книжной ярмарке, которая проходила со второго по шестое сентября в центральном выставочном зале «Манеж». Сборник рассказов «АНИМАТОР» стал участником этой выставки. Катя поехала на ярмарку-выставку специально, чтобы купить этот сборник. Есть две фотографии с выставки: на первой сборник «АНИМАТОР» лежит среди других книг на выставочном столе RIDERO, на второй фотографии Катя стоит возле стенда RIDERO с книгой в руках (она купила её). Мы с Катей очень похожи в отношении книг: обе любим читать, обе предпочитаем держать книгу в руках, а не в компьютере! Катя прекрасный собеседник, она умеет слушать.

Мы собирались вместе у кого-нибудь дома, пекли блины, создавали сказочно вкусные торты, особенно Валентина Даниловна у нас мастер-супер-класс по этой части! У неё выдающийся кулинарный талант и ей можно было бы открыть собственный ресторан! Мы пели песни, читали стихи, изучали французский, английский языки, обсуждали прочитанные книги, увиденные фильмы! Наши встречи были полны радости, света, счастья, дружбы и любви!

И вдруг – бац!!! Конец света!!! Я изо всех сил сопротивлялась охватившему меня отчаянию, то есть ожесточённо «била лапками», свято веря в библейские заповеди: «Будьте совер-

шенны, как совершен Отец ваш Небесный», «Ищите-и обрящете!», «Стучите и вам откроют». Я искала, стучала, надеялась... Несмотря на выматывающее напряжение, я лихорадочно пыталась найти точку опоры, спасательный круг... Я искала ответы хотя бы на некоторые вопросы, «копаясь» в старых и новых книгах, журналах, в интернете, во Всемирной Истории: когда на Земле появилось человечество; что древние майя вкладывали в понятие «конца света» в 2012 году и почему дальше не составили свой знаменитый календарь на круглом камне? Хотя, у меня была догадка: может быть у них просто места не хватило? Особенно, конечно, меня волновала проблема «конца света» в 2012 году: что произойдёт на Земле 21 декабря 2012 года в 11 часов 11 минут? Разразится ли планетарная катастрофа или эта информация – просто чья-то чудовищная игра, раскрученная для получения баснословной прибыли?! Я очень хотела быть в курсе реального положения дел, а не странных предсказаний и туманных домыслов! Я считала, что уже пришла пора при изучении проблемы «2012 года» опираться на здравый смысл, логику и науку. Я вновь и вновь возвращалась к теме «2012 года» и пыталась понять, что это будет – конец света, возрождение мира и начало Золотого Века или не будет ничего?! Мысленно заглядывая в будущее, я ужасалась огромным по своим масштабам возможным последствиям. Смотреть в будущее мне было страшно и неприятно, а в прошлое – печально: зачем все духовные совершенства, стремление к нравственным высотам, душевные и физические страдания, постоянная работа над собой, приобретение знаний в науке, культуре, искусстве, если в один миг всё погибнет?! В моей душе такой финал вызывал стойкий протест и яростное ожесточение. Я очень хотела, чтобы наша планета была дивным, цветущим садом с радостными, дружественными и здоровыми людьми, живущими в нём! Вот и Марк Туллий Цицерон, древнеримский оратор и философ, мечтал о том же, ну, или почти о том же:

– У каждого человека должна быть библиотека и сад!

Он призывал стремиться к совершенству, причем, считал, что этому стремлению соответствовали четыре добродетели: мудрость, справедливость, мужество и умеренность. Я жила в двадцать первом веке, но была очень правильной внутри, с обостренным чувством справедливости и «синдромом отличницы», то есть я должна была всё и всегда делать «*comme il faut*» (ком иль фо) – как следует, чтобы мне сказали: «Молодец! Садись! Пять!» Я мечтала о вечном мире на Земле и о том, чтобы все были здоровы и счастливы, и чтобы у каждого человека был такой маленький прибор, внешне похожий на сотовый телефон, с помощью которого он научился бы избавляться от болезней!

– Но такой прибор был изобретён несколько лет назад томским ученым-физиком – заметил Умный Человек.

– А почему я не знаю?! Как король из сказки «Золушка» бегал по дворцу и кричал, почему ему не доложили, что его сын уже вырос...

– Причем, прибор тот был создан с опережением на пятьдесят лет! Учёные – это особый мир, который «вырвался» далеко вперёд, в будущее. Внутри этого мира сформировался совершенно новый взгляд на организм человека, его болезни и их лечение. Я попытаюсь объяснить на современном уровне. Ты же физику в школе изучала и знаешь, что весь мир вокруг нас пронизан сверхтонкими колебаниями, и человек тоже ими пронизан. Каждая клетка человеческого организма вибрирует с определенной частотой, порождая волновые колебания, следовательно, оказывать лечебное воздействие на больной организм человека необходимо было не на химическом уровне, а на частотном, то есть с помощью волн различного диапазона. Этот маленький прибор, кстати, он весил всего сто пятьдесят граммов, обладал широчайшим диапазоном совершенно фантастических функций: уничтожал яды в крови, мгновенно, в больших объемах структурировал воду, снимал боль любой причины, проводил полную чистку организма от всех микробов и вирусов путем снятия информации с любых выделений организма и переноса её на кровотоки (на любой крупной артерии). Фактически, с его помощью можно было вылечить любое заболевание!

– Так уж и любое?!
– Кроме тех, где разрушена ДНК. Там уже ничего не помогало.
– А сами учёные пользовались своим волшебным прибором, ведь они тоже болели, как и все люди?

– Вот что касается учёных, то они, практически, не болели!

Потому, что у них были знания, а знания – это сила, сама понимаешь.

– Но от чего возникали болезни? Учёные знали причины, раз сами не болели!?

– Элементарно, Ватсон! Болезни возникали от невежества и неумения пользоваться Вселенским Законом Притяжения!

– Каким законом?

– Вселенским. В основе его лежало учение о Человеке как об энергетической субстанции и умении с помощью мыслеобразов управлять вселенской энергией, создавая желанные вещи и ситуации.

Учёные виртуозно пользовались этим законом! Умный Человек замолчал.

Я была ошеломлена всем услышанным!

– Кстати, пока не забыла, я хотела ещё кое-что спросить: а что такое секвенатор?

Я со своим высшим медицинским образованием не знаю, что это такое!

– Секвенатор? О-о! Это музыка жизни!

Умный Человек произнес это с таким восторгом и пафосом, что я рассмеялась:

– Вот с этого места поподробней, пожалуйста!

Умный Человек помолчал, затем медленно произнес:

– Я всё время забываю, что на дворе – двадцать первый век, и секвенаторы были недавно созданы, научные исследования в этой области только начинаются, но я попытаюсь рассказать. Для простого человека секвенатор – малопонятный прибор, отдалённо напоминающий офисный принтер, а для специалиста это почти музыкальный инструмент. Мелодия, которую генетики умеют из него извлекать, записывается всего четырьмя «нотами» нуклеотидов, составляющих ДНК: аденином, гуанином, цитозином и тиминем. Композиции из этих четырёх нот сливаются в невероятную симфонию жизни!

– Но для чего нам секвенатор? Как его использовать в практической жизни?

– Ну, например, можно расшифровать свой полный геном...

– И что это даст? Зачем?

– Чтобы найти наиболее совместимого генетически партнера!

– Ах, вот в чём дело! Ну, хорошо, а что ещё?

– А ещё, если говорить о решении глобальных проблем, то в будущем с помощью секвенаторов возникнет персональная медицина. Со временем знания о том, какой ген отвечает за ту или иную болезнь, будут накапливаться. В результате можно будет подходить к лечению на самом тонком индивидуальном уровне. К тому времени у большинства людей будет собственный генетический паспорт. Более того, генетическая медицина сможет не только устранять последствия мутации генов, отвечающих за разные болезни, но и заменять сами мутантные гены!

Умный Человек облегченно вздохнул:

– Вообще-то я не должен был всё это рассказывать, так как возможны и другие варианты развития геномики...

Я была ошеломлена новой информацией! Значит, жизнь без болезней и старения всё-таки возможна! И такая чудесная жизнь уже реальна в рамках нашего века! От этой радостной вести и от надежды, что мы ещё успеем, я имею в виду, успеем пожить молодыми и здоровыми, но с мудрой и возвышенной душой, ведь об этом мечтают почти все люди на земле, меня охватило такое глубокое ощущение счастья, что захотелось обнять всю Вселенную и петь! Но «слишком хорошо не может длиться долго», поэтому после своих мысленных полетов

в высокие миры и вселенские дали, я с раздражением возвращалась в прозаическую до отвращения окружающую действительность. Моя душа жаждала радости, счастья, чудес и тайн. Я грустила от того, что не представляла себе, где раздобыть эти тайны, да и есть ли они вообще на Земле. Так я жила в ожидании чуда, один мой день был похож на другой. Ничего необыкновенного не происходило, и я обречённо думала, что зашла в жизненный тупик. Дни пролетали с немыслимой скоростью. Внешне я жила обычной жизнью, но в душе не теряла надежды, напряженно ожидая события, похожего на новогодний праздник...

И вот однажды моя жизнь неувовимо изменилась: внешне это было незаметно, вроде бы всё как прежде, но в то же время совсем не так! У меня было ощущение, что Высшие Силы решили помочь и словно открыли в моем жизненном пространстве «зелёный коридор», посвящая меня в дивный древний мир тайн и загадок. Всё началось с необычного, яркого сна, который приснился мне тёплой майской ночью...

Под ослепительно белым огромным облаком, пронизанным золотистыми солнечными лучами, словно заколдованная сказочная пери, парила серебристая птица дивной красоты...

В её слегка приоткрытый клюв из облака медленно падали прозрачные капли небесной влаги...

Я была очарована и потрясена волшебным сном и даже нарисовала его, но у меня получилась

совсем не та картина, а лишь её бледная тень... Я постоянно думала о своём чудесном сне, пытаюсь разгадать его. Дальше моя жизнь начала стремительно меняться, со мной стали происходить необычные вещи: во-первых, я окрепла, и, фактически, исцелилась от всех своих недугов и болезней. Во-вторых, из разных новых и старых книг, журналов, общения с интересными людьми на меня «хлынул» поток необычной, удивительной информации сенсационного характера. Из этого феерического информационного потока я узнала, что у мужчин есть одна ДНК, а у женщин их две: общеизвестная и митохондриальная! Она называется еще ДНК гениальности и талантов и передается только по женской линии! Несмотря на своё высшее медицинское образование, никогда раньше я не слышала и не читала о том, что у женщин две ДНК!!! Чтобы проверить эту информацию, я пошла в медицинский институт, на кафедру генетики. На всякий случай я взяла с собой свой паспорт, книгу Ситчина и медицинский диплом, чтобы мне не поставили диагноз: «Ушиб всей дамы». Надо было видеть лицо профессора, заведующего кафедрой генетики, когда я сообщила ему о цели моего визита! Профессор не читал Ситчина, но совсем недавно защитил докторскую диссертацию на тему митохондриальной ДНК!

Профессор сказал мне, что его нисколько не удивляет тот факт, что я ничего и никогда не слышала и не читала о митохондриальной ДНК, так как она была открыта только в конце девяностых годов, и об этом открытии разговаривали шёпотом и исключительно в узком научном кругу! Значит, все люди на Земле своими талантами и высоким интеллектом обязаны женской митохондриальной ДНК! Если сказать, что я была потрясена этой информацией, то это значит не сказать ничего! Да я просто воспламенилась от радости за всех женщин Земли! Теперь человечеству не надо бояться за будущее нашей планеты, потому что именно женщины спасут мир от катастроф, конфликтов и войн! Счастье вернётся на Землю Золотым Веком, и вся наша жизнь засияет, словно летнее солнечное утро...

Жених из Франции

Весна началась в конце марта. Она ворвалась в нашу небольшую припылённую квартирку радостным птичьим многоголосьем. Ещё полгода назад я обреченно думала, что зашла в жизненный тупик. Но это для дураков существует тупик, а для умных – развилка. Я не хотела жить в тупике и иступлённо «била лапками». И в моей жизни начались чудеса. У меня было ощущение, что какие-то неведомые Добрые Силы несут меня по «зелёному коридору», который образовался в моём жизненном пространстве. Раньше я всегда ощущала себя слабым существом – наивной домашней киской. Развод казался мне подлинной трагедией, я боялась его как темноты и кладбища, но я надеялась, что всё будет хорошо, меня ждет удивительная жизнь и «соловьи мне всё-таки когда-то пропоют...»

И полетели дни, словно маленькие разноцветные птички...

Яркий kaleidoscope моих радужных мечтаний очень скоро сменился мрачной реальностью и леденящей душу перспективой. Тяжело заболел мой папа, кроме того, я развелась с мужем после тринадцатилетнего сосуществования. После развода я старалась держаться молодцом, но где-то на краю подсознания пульсировала тяжкая горечь сожаления, отчаяния и печали. Она жгла меня как кислота до тех пор, пока однажды из неведомых просторов Вселенной ко мне не прилетела, словно ласточка, спасительная светлая мысль:

– Если бы я не развелась, то никогда не узнала, как прекрасна и разнообразна жизнь, и какая я сильная женщина!

Как-то я прочитала замечательную книжку Луизы Хей «Сила внутри нас». Луиза убеждена, что все наши неприятности и болезни возникают от непросщения. Я сразу уверовала в это. Если у нас появились проблемы (любые), то значит, нам необходимо кого-то простить. Старые и новые обиды накапливаются в нас как вещи в бабушкином сундуке, а потом материализуются в опухоли.

Спустя некоторое время я развернула бурную деятельность по созданию моей новой семьи и поискам второго мужа, хотя прекрасно знала, что «два раза войти в одну и ту же реку невозможно». Да и заклятая подруга сказала мне когда-то:

– Таких как мы – пропасть! Кому мы нужны с детьми и проблемами?! Так что, не трепыхайся, тем более до красавицы тебе как до луны! Ты будешь нужна только для постели, да и то, когда темно!

И тогда я решила, что у меня обязательно будет муж. Очень трудно добиться чего-либо не благодаря, а вопреки.

Я писала бесконечное количество писем по брачным объявлениям в Америку, Канаду и даже в Бельгию! Почти половина моей зарплаты уходила на покупку конвертов, бумаги, изготовление фотографий. Я отчаянно «била лапками», отправляя десятки писем, но все они исчезали без ответа. Иногда вечером я садилась в кресло, закрывала глаза и ужасалась реальности, в которой проистекала моя жизнь:

– До какой же степени отчаяния надо дойти, чтобы собраться замуж за иностранца?! Да ещё по брачному объявлению в газете!

– А что делать? – возражал мне Умный Человек, – если все нормальные мужики давно по рукам расхвачаны?! У них тёщи, дети, жёны и собаки. Где его взять, МужЧин (у)?

– Молодого мне не надо – продолжала я диалог.

– Молодые мужчины мне не интересны, поскольку заняты только собой, поисками себя, самоутверждением. Мне нужен муж лет на десять старше, а точнее, разведённый иностранец лет сорока семи, с взрослым сыном или дочерью, живущими отдельно.

Мысли созидательны, поэтому я писала свои бесконечные письма, но не было ответа...

Раньше я наивно полагала, что написать о себе очень легко.

Я взяла ручку, положила перед собой чистый лист бумаги, и... да не тут-то было! Оказывается, написать о себе, да так, чтобы заинтересовать другого человека, да не просто другого, а того, кто нужен именно тебе – совсем непростое дело! Время вихрем неслось вперёд. Я только успевала боковым зрением отметить Новый год, Рождество, конец зимы, 8-е Марта... Я хотела перемен. Жизнь моя стала похожа на старую китайскую пытку – и не уйти и не остаться! Но мой непотопляемый оптимизм, энергия и жизнелюбие выносили меня из любой беды. Друзья называли меня «атомная таблетка». Я очень любила утро, когда весело поют птички, ласковое солнышко озаряет всё вокруг тёплым светом и в душе, словно птица Феникс воскресает надежда. Но всегда со страхом ожидала вечера и особенно ночи, когда темнота, пустота и холодная постель сжимали сердце удушливым кольцом. Праздники, субботы и воскресенья я люто ненавидела и переносила их как корь.

В один прекрасный день я узрела в какой-то газете адрес брачного агентства во Франции, в легендарном городе Лионе.

Текст письма у меня был отшлифован, нашлась и пара любительских фотографий. В который раз я отправляла письмо, и в который раз испытывала щемящее чувство вины и унижения.

Я сбросила письмо в почтовый ящик, словно чужое пальто с плеч. Я старалась не относиться очень серьёзно ко всей этой аванюре. Просто надо было что-то делать со своей жизнью – действовать, а не сидеть и не плакать.

Примерно через полтора месяца я получила письмо в белом конверте под алыми марками. Они пылали и горели пурпурным цветом как мои щёки. Судьба сделала мне глубокий реверанс и меня захлестнула французская волна. Иногда я получала по два-три письма в день. По ночам телефон разрывался от нагрузки. Я разговаривала по-французски, в основном, междометиями. Потом я выучила фразу:

– Эскюзэ муа, мэ жё нё парль па франсэ! (Извините, но я не говорю по – французски!). В течение двух месяцев я получила массу писем с предложениями нежной дружбы, а впоследствии брака. Я хорошо говорила по-английски и по-испански, но никогда раньше я даже не предполагала, что мне придётся когда-нибудь в жизни говорить по-французски. Я купила целую кучу литературы по французскому языку, сложила все книги вместе. Получилась огромная пирамида. Я смотрела на неё издалека, и в мою душу просачивался панический страх, потому что я должна была всё это выучить и хранить в своей голове! Не могу сказать, что начала активно учить французский язык. Периодически я открывала французскую грамматику, словарь, самоучитель, даже слушала кассету, но результаты моих судорожных попыток были неутешительными.

Французы забрасывали меня письмами, и я обратилась к профессиональной переводчице.

Ах, какие это были послания! Зеленоглазый Пьер дарил мне весь пыл своей души в восхитительных строках, а на каждом листе бумаги в его письмах пылала алая роза:

– Когда я впервые увидел Вашу фотографию, мне захотелось откусить как от спелого яблока...

– У Вас синий взгляд... Он волнует меня до дрожи...

– Я читал Ваше письмо и возносился очень высоко...

– Ваше письмо написано пальчиками феи...

– Ах, Пьер, Пьер! Всегда в моём сердце будет сиять Алая Роза Вашей Нежности!

Первое письмо «графа Тулузского», мсьё Бернара, начиналось таким образом:

«WOUANNHOOO! Какая улыбка! Какой подарок!»

Я читала и перечитывала все письма и случайно взглянула на себя в зеркало.

– Боже мой! Какая чудесная трансформация! Где та бледная шатенка почти сорока лет?!

На меня смотрела розовощекая молодая девушка с нежным алым ртом и лучистыми карими глазами, которые сияли и переливались словно бриллианты!

На старый Новый год я получила ещё одно письмо из Франции и сочла это божественным знаком. Мой внутренний голос молчал. Мужчину звали Франсуа. К счастью или к несчастью он немного говорил и писал по-английски, и у нас завязалась оживлённая переписка, к тому же, он довольно часто звонил, и мы взволнованно общались. Мне очень нравился его голос, слегка хриловатый и словно чуть-чуть простуженный, его теплый, глубокий смех. Ещё он умудрялся шутить по-английски. Однажды вечером я наигрывала одной рукой на пианино нежную мелодию из популярного французского фильма «Шербургские зонтики». Пианино у меня не совсем обычное, а с клавишинным эффектом. Папа подарил мне его на день рождения двадцать три года назад, но оно сохранилось как конфетка и звук чудесный! Я наигрывала приятную мелодию и «мурлыкала» себе под нос, вдруг зазвонил телефон. По «почерку» это был международный звонок. Я подняла трубку, оказался Франсуа. Я продолжала наигрывать мелодию, разговаривая с ним. В какой-то миг Франсуа выпал из диалога и в нашей беседе внезапно возникла продолжительная пауза. Я уже хотела положить трубку, но его голос возник из тишины:

– Кто это играет? – последовал вопрос.

– Я.

– И у Вас дома есть настоящее большое пианино!?! – разволновался Франсуа.

Его голос еще больше охрип.

– Натали! За то время, в течение которого мы с Вами писали письма друг другу, я Вас очень полюбил! Вы пригласили меня к себе. Я приеду и женюсь на Вас. Я уже билет на самолёт заказал! Скажите, а где точно находится Ваша страна?

– Вот это да! Вот это мужчина! – восхитилась я.

– Он летит жениться, но не знает куда точно!

Время улетало так же стремительно как деньги. Я лихорадочно готовилась к встрече с Франсуа. Начала с того, что составила план своих действий, чтобы не метаться по квартире и по городу как беспокойный дух. Поскольку Франция страна гастрономическая, и французы очень серьёзно относятся к еде и развлечениям (для французов еда почти как религия), я начала методично обходить все более-менее приличные кафе и рестораны. Я знакомилась с меню, ценами, развлекательными программами (если таковые имелись), с уровнем обслуживания и декором. Я обращала внимание на разные мелочи, так как каждая мелочь всегда крупным планом, как в кино. Чем больше времени проходило, тем больше Франсуа казался мне инопланетным существом, а наша будущая встреча – полным бредом. Этот день неумолимо приближался!

Ресторанную эпопею я завершила, теперь надо было продумать культурно-развлекательную программу, а затем переключить внимание и энергию на квартиру. Я сделала великолепный косметический ремонт, то есть готовилась к встрече с Франсуа серьёзно и основательно. Почти весь свой план я выполнила. Остался один нерешённый пункт – я сама. Что такое необыкновенное мне с собой сотворить, чтобы Франсуа при встрече ахнул от восторга?! Я заметила, что внешность моя меняется очень часто по каким-то неведомым, таинственным причинам. Иногда я была первой красавицей королевства и светилась изнутри. Но чаще это была усталая женщина с худым бледным лицом и печальными глазами.

– Ведь он же француз! – размышляла я.

– Значит, что мне, прежде всего, нужно? Лёгкий аромат изысканных духов, стильная причёска, безукоризненный маникюр и педикюр, улыбка феи, летящая походка...

– Да – а! – включился в беседу Умный Человек.

– Зада – ачка!

– Задача, да ещё какая! – мрачно подтвердила я.

Я представляла себя рядом с Франсуа и невольно улыбалась. Шампанское очень похоже на французский характер – весёлый, искренний, взрывной. А я похожа на Фрекен Бок. Я тоже люблю посидеть утром на кухне в тишине и одиночестве, попить душистого чайку, послушать как светло и радостно поют птички за окном, посмотреть на лёгкие облака в синем небе.

– Фрекен Бок и шампанское! – весело подумала я.

– Парочка – оторви да брось!

– Что делать? – обратилась я к своему отражению в большом зеркале в прихожей.

– Он ведь приедет скоро! Живой настоящий француз!

Мне необходимо было ещё завершить много всяких мелких дел: подготовить и выслать Франсуа моё приглашение, собрать все справки: общую медицинскую и справку из психиатрической больницы о том, что я ещё не дура! Большое искусство, между прочим, за всю жизнь не сойти с ума!

День встречи с Франсуа запомнился мне как непрерывный двадцатичетырехчасовой кошмар.

Во-первых, я совершенно не могла спать и подскочила в пять утра, так как устала лежать в постели с открытыми глазами и думать свои тревожные мысли. Я тихо бродила по нашей маленькой, уютной квартире, то подходя к окну, то к дочкиной кровати. Я слушала нежное дыхание Татки как самую прекрасную музыку на земле и ещё больше горевала, так как если я уеду даже на месяц-два, то мне придется расстаться с моим самым дорогим человеком на земле – моей доченькой, а это будет первый раз в жизни и очень травматично для нас обеих.

Я с тоской смотрела на часы. Вот уж действительно, время – весьма относительная штука!

Прошло всего пол – часа, а казалось – вечность.

Весь день я провела в бешеном ритме: стирка, уборка, бег по магазинам и, как всегда, в последнюю очередь – парикмахерская. С мастером я договорилась заранее. Она колдовала над моей прической почти два часа! Французы не зря говорят, что если вы устали, огорчены или вас преследуют мелкие неприятности – идите в парикмахерскую! Я действительно почувствовала себя лёгкой и обновлённой. Я смотрела на себя в зеркало и не переставала удивляться такому волшебному превращению. Как прическа меняет человека! На часах было уже девять вечера. До встречи осталось пять часов. Я заказала такси на час ночи. Самолёт прилетел вовремя, но очень долго тянулась процедура таможенного контроля и в результате я прождала Франсуа четыре часа! Устала, замёрзла и даже ярко-розовая помада не могла завуалировать сине-фиолетового оттенка моих губ. Так я и встречала Франсуа – холодная на ощупь с синюшным ртом и вымученной улыбкой. В потоке пассажиров я сразу увидела Франсуа. Все заготовленные слова я забыла, так как меня чрезвычайно смутил его холодный, изучающий взгляд. Восторга по поводу моей внешности нигде даже не просматривалось. Это был взгляд естествоиспытателя, не хватало только большой лупы! Франсуа приехал на две недели. Половину дня он спал, примерно до часу: давала знать себя разница во времени. Поэтому у меня была возможность сбегать на базар или в магазин, заскочить к родителям, в парикмахерскую, а потом ещё и обед приготовить. Каждый вечер мы ходили куда-нибудь: на концерт, в театр, ресторан, кафе и даже в цирк. Я чувствовала, что Франсуа всё очень нравится. Особенно он преображался, когда слушал классическую музыку, которую просто обожал. Он всю жизнь мечтал стать пианистом или футболистом, так как кроме музыки любил ещё футбол, как и все французы. Однажды нам повезло, и мы попали на концерт симфонической музыки Петербургского симфонического оркестра. Кроме того, мы побывали также на концерте Юрия Антонова. Это знаменательное событие случилось через несколько дней после приезда Франсуа. Концерт превратился в настоящий праздник. Огромный, сверкающий тысячами огней зал Дворца Республики был до отказа заполнен людьми. Музыка Антонова лилась в душу, словно божественный бальзам и сообщала ей радость, легкость и доброту. Франсуа влюбился в Антонова и его песни окончательно и бесповоротно и заявил, что это русский Элтон Джон. Мы были

также на концерте чудесной казахстанской певицы Розы Рымбаевой. Я всегда восхищалась ею, но не могла понять, как в таком хрупком, стройном теле может быть такой мощный голос?! Франсуа был совершенно очарован Розой...

Две недели пролетели очень быстро. Где-то на десятый день пребывания Франсуа в моем городе, мы с ним решили зарегистрировать свои отношения, то есть придать им официальный статус. Мы явились в городской загс с утра пораньше с кучей разных справок и документов. Директор загса, вежливо улыбаясь, сообщила нам, что наш брак невозможен здесь по одной незначительной причине – отсутствию у Франсуа так называемой справки «селибатэр», что значит одинокий.

Я думала, что понятия «разведён» и «селибатэр» одно и то же, но директор загса популярно объяснила, что это совершенно разные понятия!

– А вдруг, будучи разведённым, Франсуа где-то потихоньку женился?! – обратилась ко мне директор голосом строгой тётки-воспитательницы.

– А зачем нам потом такие проблемы?! – продолжала она, убирая рукой со стола какие-то несуществующие соринки.

В воздухе повисло напряжённое молчание. Больше нам было нечего там делать! Мы попрощались и вышли из кабинета. Домой возвращались на троллейбусе. Франсуа трогательно-нежно утешал меня, а глаза его счастливо блестели! Даже при всех его великолепных актерских способностях, он не смог скрыть радости и облегчения, что ему удалось и в гости приехать и не жениться при этом! Хотя меня он торжественно заверил, что обязательно женится на мне, для этого и ехал! Франсуа сообщил, что все необходимые для брака документы он подготовил и привезет с собой. Я была огорчена до глубины души. Столько труда, душевных мук, денег и все напрасно!

Дома я зашла в Таткину комнату, присела на край стула за её письменным столом. На столе лежала открытая книга. Я водила глазами по строчкам, но не понимала содержания.

– Все рухнуло! Теперь он уедет и забудет меня и буду я здесь как оплёванная... – горько размышляла я, в который раз «пробегая» глазами по тем же самым строкам. Потом вдруг в какой-то миг я словно прозрела и увидела то, что было написано. Я прочитала вслух:

– В сущности, личная жизнь не имеет такого уж большого значения! Делайте добро!

Я замерла, потом ещё и ещё раз прочитала:

– Делайте добро!

Я мысленно спросила:

– Что есть добро?

Ответ, очень чёткий, словно отчеканенный, возник ниоткуда:

– Добро – это постоянное внутреннее стремление помогать людям.

Я быстро посмотрела на обложку:

– О! Антон Павлович Чехов!

Это, конечно, мистика, но я как-то сразу совершенно успокоилась и даже повеселела. Через несколько дней Франсуа улетал во Францию. Я провожала его в аэропорту. Белый хвост огромного самолета компании KLM торжественно уплывал от меня в темноту ночи, унося в своем чреве моего несостоявшегося французского мужа. Я провожала самолет глазами до тех пор, пока он не превратился в маленькую красную точку среди звёзд.

– Всё! – пронеслось у меня в голове.

– Теперь опять пустота!

Мне не хотелось возвращаться домой, и я просидела в аэропорту до девяти утра. Домой вернулась часам к одиннадцати. Моя комната, пустая и тихая, ещё хранила запах Франсуа. На кресле сиротливо лежал его лёгкий шёлковый халат.

– Вот и всё. И замуж я вышла и во Франции побывала! – мрачно констатировала я, медленно обводя глазами комнату. Всю субботу и воскресенье я пролежала дома на диване.

На меня навалилась чудовищная усталость. Я вспоминала разные кусочки из своей жизни. Давным-давно, ещё в «прошлой жизни» времён Советского Союза, папа мне рассказывал, как однажды он прочитал книжку о маленьком мальчике Шурке. Когда его особенно остро понимала душевная тоска, он просил свою маму:

– Мамк, а мамк, я повою?

– Да вой ты, горе моё!

Шурка устраивался на подоконнике и начинал протяжно и выразительно выть... Мои размышления прервал телефонный звонок, Татка сообщила, что скоро придёт. Эти две недели она жила у дедушки и бабушки. Когда Татка дома, то дом наш преобразается: исчезает тоска, пустота и безнадёга. Даже если дома очень тихо, то это совершенно другая тишина – полная жизни, радости и смысла. Я поднялась с дивана и включила радио. В густую тишину квартиры ворвалась бодрая песенка моих школьных времен. Дружный хор голосов радостно сообщал:

– Не надо печалиться! Вся жизнь впереди!

Вся жизнь впереди! Надейся и жди!

Франсуа позвонил в понедельник вечером. На меня словно брызнули живой водицей. Снова припорхнула надежда и будто маленькая птичка присела на моей ладони. Франсуа сообщил, что вышлет мне брачное приглашение, оплатит билет, я прилечу, и мы поженимся. Во Франции это без проблем. Если есть все справки и документы и они в порядке, то процедура бракосочетания возможно совершить в течение пятнадцати дней.

День моего отъезда я буду помнить всю жизнь, хотя и была в «полукоматозном» состоянии. У меня только от одного воспоминания об этом дне начинаются душевные судороги!

Я помню Таткины огромные глаза. Её нежное личико как-то в миг похудело, осунулось, глаза стали ещё больше. Была минута, когда я уже решила никуда не ехать, а ну её, эту Францию и это замужество!

Проживу и так! Но Таня сказала:

– Нет, мама, лети!

У меня был билет на самолет компании KLM, но меня ничего не радовало! Передо мной всё время стояли Таткины огромные погасшие глаза. Она не плакала, но выражение глаз было такое же, как много лет назад в детском саду, когда я уходила на работу, а Татка оставалась. Она начинала так горько и безутешно плакать, что я долго не могла уйти и на работу приходила с тяжёлым сердцем и отвратительным настроением. Татка думала тогда, что я её бросаю и никогда за ней не приду, и она так и останется на всю жизнь в детском саду без мамы! Я улетала во Францию на месяц, а Татка думала, что навсегда...

Самолет плавно поехал по взлётной полосе, потом остановился на некоторое время, мощно загудели моторы. Я уже совсем не хотела никуда лететь, даже в восхитительный Париж, но самолет вздрогнул, разбежался и, наконец, оторвался от земли. Я чувствовала, что в моей душе нарастает волнение и не могла с ним справиться. Я горько расплакалась, горячие слёзы траурными потоками потекли по моим щекам: Я беззвучно ревела и не могла остановиться. Рядом со мной сидел мужчина – вылитый Воланд.

– Так и надо! – горько-зло подумала я.

– Он меня сейчас выкинет за борт! И правильно сделает!

В этот момент Двойник открыл глаза, осторожно повернул голову и посмотрел на меня. Мой нос распух и почти совсем не дышал, поэтому я открыла рот и так и сидела с опухшим носом и открытым ртом.

– Вам плохо? – заботливо спросил сосед.

– М – м – издала я звук.

– У Вас что-то случилось? – настойчиво продолжал интересоваться Двойник.

– Случилось. Я лечу замуж по брачному приглашению – тихо призналась я, сжав до боли пальцы рук.

Сосед понимающе кивнул.

– А как зовут Вашего жениха? – последовал очередной вопрос.

Я с тоской посмотрела в окно:

– Франсуа.

Двойник усмехнулся.

– Это имя не для Вас! Какое-то время Вы будете терпеть, потом всё бросите и возвратитесь домой.

Сосед говорил медленно и очень уверенно.

Меня охватил суеверный страх. Я захотела прямо сейчас вернуться домой. Я совершила ошибку. Но человеку свойственно ошибаться, на то он и человек. – Но не такой ценой! – присоединился к моим размышлениям Умный Человек.

– Ты устраивала свою личную жизнь?! Ты одинока и несчастна?!

Ах – ах! Скажите пожалуйста! Никогда не ищи виноватых вокруг себя, так как в своих несчастьях и проблемах виновата ты сама! – вынес приговор Умный Человек.

– Но теперь надо как-то исправлять положение?! – промямлила я жалобно.

– А как же Франсуа? – продолжал вопрошать У. Ч. прокурорским тоном.

– Он ждёт, он полон надежды и радости!

Мои щеки пылали и вся я горела изнутри жарким пламенем.

– Может быть, я ещё никуда не выйду, ни в какой замуж! – смело продолжала я шевелить извилинами.

В Германии я должна была пересесть на парижский самолёт. Я бежала по аэровокзалу, мне было очень плохо и казалось, что этот сверкающий, отшлифованный вокзал никогда не закончится. Я оказалась последней пассажиркой на Париж. Когда я ворвалась в самолёт, растерзанная и красная, на меня устремились десятки «импортных» взглядов. Я упала на своё место у иллюминатора и смогла наконец-то отдышаться и освободить онемевшие от сумок руки. Первый раз в жизни я оказалась одна далеко от дома и родных людей в чужом мире.

Мы подлетали к Парижу. Франция встретила нас широкой солнечной улыбкой. Я смотрела в иллюминатор, и мне казалось, что там, внизу расстилается огромное лоскутное одеяло, сотканное из травы, цветов и солнечных лучей. Я никак не могла привыкнуть к мысли, что я – в Париже! Фантастика какая-то!

Когда мои ноги ступили на священную территорию аэропорта «Руасси», на часах было почти десять утра. Я ждала свой багаж два с половиной часа, так как моя сумка прилетела вместе со мной, а чемодан со следующим рейсом! Как оказалось, такие «штучки» здесь очень часто практикуют. Франсуа измучился в ожидании. Наконец я получила свой багаж и «выплыла» в зал для встречающих. На Франсуа было страшно смотреть: небритый, с воспалёнными красными глазами и пересохшим ртом. Но он счастливо улыбался. От волнения Франсуа забыл, где поставил свою машину, и мы вынуждены были обратиться к полицейским.

Наконец мы обнаружили «потерю». Машина была очень красивая и дорогая, марки «ОДИ» серебристого цвета, но до безобразия пыльная и уляпанная грязью, причём, давней. В салоне разбросаны папки, бумажки, пустые бутылки из-под минералки. Меня эта картина неприятно поразила и тоненькой иголкой в сердце кольнула тревога. Франсуа решил показать мне «столицу мира» из машины.

Автомобиль кружил по городским улицам, а я смотрела в пыльное окно, за которым звучал Париж. В удивительно-прекрасной книге Алексея Толстого «Хождение по мукам» Катя Смоковникова писала своей сестре Даше:

«Париж – голубой и шёлковый как коробочка из-под духов...».

Мы остановились недалеко от Эйфелевой башни, вышли из машины и подошли поближе. Я смотрела на «Турэфель» и она представлялась мне настолько хрупкой, что лёгкое дуновение ветерка, казалось, могло бы без труда сломать это кружевное чудо! Я прикоснулась к башне

рукой и ехидно подумала, что отныне не буду мыть эту руку, поскольку теперь на ней «чудесная пыль веков». Мы ещё немного погуляли по центру, минут пятнадцать, потом зашли в маленькое уютное кафе, каких сотни в Париже. Франсуа выпил чашку кофе, а я стакан апельсинового сока. Чашечка была совсем крошечная, а стоила 7 франков! Франция очень дорогая страна, где платят даже за автодороги! После нашей небольшой прогулки пешком по центру Парижа, вид у Франсуа был совершенно измученный, но глаза светились радостью и излучали лазурный свет. Я подумала, что, может быть, не стоит так трагически относиться к происходящим событиям: вместо одного месяца я пробуду здесь две недели, а потом вернусь домой. Франсуа предложил мне на следующей неделе приехать в Париж дня на три, чтобы посмотреть все интересные места. За свои сорок семь лет Франсуа ни разу не был в Лувре, да и вообще, в Париже он бывал чрезвычайно редко, так как всё время отнимала работа. Итак, мы тронулись в путь. Путешествие продолжалось. Франсуа включил радио. Французское радио может похвастаться множеством каналов. Но больше всего мне понравился «Шэриэфэм». Мне всегда очень нравилась французская музыка, но я даже не представляла себе, сколько прекрасных певиц и певцов во Франции! Этот огромный, неведомый мне раньше мир французской музыки, песен и талантов просто ошеломил меня и стал первым зёрнышком, которое породило в моей душе стойкое, ничем не потопляемое восхищение. Машина летела по-над дорогой бесшумно и легко словно ласточка. Надо сказать, дороги во Франции очень хорошие, благоустроенные, в том смысле, что без ям и всяческих ловушек. Кроме того, очень часто случаются маленькие станции, которые сочетают в себе функции гостиницы, кафе, магазина и... бани. Там можно что-нибудь купить из вещей или продуктов, отдохнуть перекусить, сходить в туалет и даже помыться в душе! Машина неслась по шоссе со скоростью сто сорок километров в час. За окном мелькали прелестные картинки: зелёные поля, небольшие лесочки, живописные озёра, реки и деревушки. Французы живут красиво, элегантно, очень любят свои дома и приусадебные участки, повсюду море цветов и зелени. Мы ехали с остановками почти четыре часа, за это время нам не встретился ни один крупный город: всё деревни да деревни! Французы, видимо, не любят жить в больших городах, в многоэтажных домах, в шуме, суете и спешке. Они предпочитают покой и собственные дома, затерянные среди просторных полей, лесов и цветочных полей. Как пчёлки. Поэтому во мне зрело убеждение, что Франция – это одна большая деревня! А я вся пронизана ритмами большого города. И психология у меня соответствующая! Полусонная деревенская тишина меня угнетает, я начинаю бесконечно тосковать по городским звукам, энергии и динамике. Долго жить без большого города я не могу, я заблеваю от такого плавного деревенского существования. Наконец мы приехали. Я вышла из машины и внимательно огляделась вокруг: Франсуа писал мне о том, что он живёт и работает в городе, правда небольшом, но всё-таки городе, а то, что я сейчас видела перед собой, была стопроцентная деревня, только французская, с множеством цветов и крошечным сельповским магазином, как и положено во всех деревнях мира. Огромные, серого цвета старые дома глухой стеной теснились вдоль немногочисленных улиц. Меня захлестнула волна нестерпимого отчаяния: опять обман, да ещё какой! Франсуа пригласил меня войти в дом и распахнул дверь. В нос мне ударил спёртый запах с примесью плесени и гнили. Сразу у входа слева находилась кухня. В раковине, словно Мамаев Курган, возвышалась гора грязной посуды с остатками пищи. Передо мной открывались восхитительные перспективы семейной жизни с французским мужем. Я двинулась дальше по коридору. Дом был старый, «о трёх этажах». На третьем этаже находился чердак, весь заросший пылью и паутиной. Самое подходящее место для привидений. На втором этаже располагались спальня и комнаты. Одна из них принадлежала Франсуа, а другая – его двадцатилетнему сыну Кристиану. Я постучала на всякий случай. Мне не ответили, тогда я осторожно слегка приоткрыла дверь и заглянула внутрь. В комнате царил полумрак, окно было плотно закрыто. На полу в художественном беспорядке непринужденно валялись пустые бутылки, мятые рубашки, майки, ботинки с засохшими комками грязи, какие-

то этикетки, обрывки газеты и бумаги, часть одеяла с кровати сползла на пол, простыня скрутилась в тугую жгут... Я тихо прикрыла дверь. Это была комната сына, а какова тогда комната отца? Мне расхотелось туда заходить. Я слышала, как Франсуа что-то там двигал. Потом он позвал меня. Я вдохнула побольше воздуха в лёгкие и толкнула дверь рукой. Передо мной открылась следующая картина: огромная комната с ядовитыми сине-зелёными обоями и широкой кроватью посередине. Кровать была новая. Яркая этикетка пёстрой лентой пересекала её по диагонали. Подушек, одеял и прочих спальных атрибутов поблизости не наблюдалось, а, может быть, и вовсе не предвиделось. Франсуа движением фокусника вытащил откуда-то подобие подушки узкой прямоугольной формы, положил себе под голову, и устремил на меня безмятежный светло-голубой взор.

– И что? А я? – обратилась я к Франсуа.

– Как я буду спать? – пыталась достучаться я до истины.

– Где подушки, одеяла, постельное бельё?

Вдруг я услышала себя со стороны. Я ждала ответа, тупо созерцая белоснежный матрас как новую конструкцию ворот. Внезапно на меня накатила волна отчаянного прозрения. Я отчётливо увидела ситуацию и себя в ней. Я вспомнила как перед приездом Франсуа, я ездила на дальнюю барахолку для того, чтобы приобрести одеяла, подушки и другие спальные принадлежности. Причем, я умудрилась поехать туда в самую жару. Термометр показывал +41, народу как всегда – тьма-тьмущая! Толпа, суeta, жара и я в этом «котле» со своими подушками и одеялами! Я пребывала в таком состоянии души и тела, что сама едва не воспламенилась! Я выбрала наилучшие одеяла из высококачественной верблюжьей шерсти, обшитые нежнейшим атласом небесно-голубого цвета. Я пыталась привнести в нашу прозаическую жизнь без мистики и чуда немного радости и волшебства. Я очень хотела, чтобы Франсуа всё понравилось, и он почувствовал себя счастливым. Я представляла, как после долгой, утомительной дороги в далёкую страну, его примет в свои объятия мягкая, тёплая постель, и он с наслаждением растворится в пуховом блаженстве! Ему будут сниться розовые французские сны, а когда он проснётся и откроет глаза, то увидит бесконечное синее небо за окном и тополь, освещённый нежным утренним солнцем. Он почувствует, как счастье окутывает его золотистыми облаками, и жизнь наполняется радостью и покоем.⁰

Моя душа вернулась из недалекого прошлого в реальное настоящее и замерла, свернувшись в маленький комочек. Я удручённо огляделась вокруг. Истина открылась мне словно волшебная пещера Сим-Сим.

Франсуа боялся старости и одиночества, когда некому будет поднести тот самый пресловутый стакан воды, поэтому и решил срочно жениться, хотя не представлял себе, что такое брак с иностранкой и вообще брак! Альберт Эйнштейн, например, говорил, что брак – это попытка превратить небольшой эпизод в нечто продолжительное.

Франсуа абсолютно не подготовился к семейной жизни. Он думал, что, женившись на иностранке, решит все свои внутренние психологические проблемы, разрубит узел сложных, запутанных взаимоотношений со своими бывшими и настоящими любовницами, с родителями и детьми, вызовет к себе нешуточный всплеск интереса и удивления со стороны друзей, коллег и врагов, если такие имеются! Да он просто обретёт вторую юность, «припав к розовому соску груди молодой жены»! Как Мао Цзэ-Дун.

Франсуа возлегал на новой кровати и, похоже, не собирался принимать вертикальное положение. Я закрыла глаза и тотчас, как в цветном калейдоскопе перед моим мысленным взором пронеслись воспоминания: весь залитый солнцем мой любимый город, наша маленькая квартирка, Таточка – большеглазая моя девочка, лёгкие белые облака в ярком синем небе и тополь, освещённый нежным утренним солнцем...

Сейчас всё это было очень далеко от меня! Я вздохнула и пошла вниз, на первый этаж за большой клетчатой сумкой, в которой я привезла с собой из дома все необходимые спальные принадлежности.

Клетчатая сумка выделялась в общей благопристойной обстановке комнаты вызывающе-ярким пятном. Сумка была кусочком яркой, волнующей жизни, а в помпезной комнате Франсуа «клетчатый островок» звучал как фальшивый аккорд... Я стояла и смотрела на сумку, не в силах пошевелиться. Я не слышала, как подошёл Франсуа, поэтому вздрогнула от его прикосновения. Франсуа начал что-то быстро говорить мне по-французски. И здесь до меня в полной мере дошло, что теперь так будет всегда! Мои мысли лихорадочно заметались:

– Всегда французская речь, ни слова по-русски! Никто не скажет «привет!», а всегда только «бонжур»! Всегда жить в чужом, холодном, старом доме, всегда гора невымытой посуды, грязная машина и неотвратимая фраза Франсуа:

– Мерд, сэ трэ, трэ шэр! (Блин, это очень, очень дорого!)

Но что теперь метаться! Надо было как-то жить дальше, двигать сюжет, как говорится. Я распаковала сумку, вытащила на свет божий её содержимое. Франсуа пришел в полный восторг.

Итак, колесо закрутилось, и началась моя вторая жизнь, теперь уже французская. Франсуа возил меня ко всем друзьям и родственникам, увлечённо рассказывая им о своих впечатлениях от поездки ко мне в гости. Он радостно сообщал всем и каждому, что его невеста – «рюс» и эта «рюс» ещё и на пианино играет! Франсуа обожал музыку, неважно какую – классическую или современную, главное, чтобы это была музыка настоящая, прекрасная и волнующая. В нем будто жили два человека. Один – дьявольски хитрый, с кучей предрассудков и патологической склонностью ко лжи, жадный и жестокий. Другой – проницательный и нежный, с тонким чувством юмора. Я чаще видела первого, и от этого меркло даже волшебное очарование Франции!

Несколько раз Франсуа оставлял меня одну в доме. Он уезжал на работу, а я оставалась в полном одиночестве. Я старалась бесшумно передвигаться по огромному холодному дому. Как говорится: «Не буди лихо, пока лихо тихо!». Но старая деревянная лестница предательски скрипела. Она была узкой с высокими ступенями, я боялась с неё упасть и повторить судьбу героев мексиканских сериалов, которые после падения с крутых лестниц страдали амнезией на прошедшие события.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.